



Проф. С. Я. Лурье

## ЭКСПЛУАТАЦИЯ АФИНСКИХ СОЮЗНИКОВ

В нынешней исторической литературе является общим местом, что члены Афинского морского союза подвергались бессовестной эксплуатации со стороны афинской демократии (особенно крайней демократии) и что на защиту их выступали представители аристократической партии, руководимой Фукидидом из Алопеки<sup>1</sup>. Такое представление основано на том, что представители этой аристократии, действительно, выступали в роли защитников союзников.

«Афинский народ, — говорят они у Плутарха («Перикл», 12), — теряет уважение греков... Вся Греция считает, что над ней совершают открытое насилие и распоряжаются деспотически: греки видят, что средства, принудительно взыскиваемые с них для ведения войны, мы тратим на то, чтобы наш город, точно развратная бабенка, мог раззолотить и разубрать себя...»

Сама демократия, несомненно, считала правильным свое поведение по отношению к союзникам. Перикл в том же месте Плутарховой биографии замечает в ответ на эти обвинения: «Афиняне не обязаны давать своим союзникам отчет в израсходовании ими денег, так как афиняне сражаются за них... Союзники же не выставляют ни конницы, ни кораблей, ни гоплитов, а только вносят деньги; ясно, что эти деньги уже принадлежат не тем, кто их платит, а тем, кто их получает, если только они выполняют то, за что им платят деньги, а государство в достаточной мере обеспечено всем, что нужно для войны». Вряд ли действительная аргументация демократов сводилась только к этим соображениям: в этом случае им легко было бы возразить, что война с Персией кончилась, что союзникам вообще ничто больше не угрожает и поэтому пора оставить мысль о военных действиях и дать союзникам полную независимость. Очевидно Плутарх черпает свою информацию из аристократического источника, где Периклу влагаются в уста такие доводы, которые легко опровергнуть<sup>2</sup>.

В этом отношении чрезвычайно интересны патриотические агитационные трагедии Еврипида «Гераклиды» и «Молящие», поставленные во время

---

<sup>1</sup> Афинская демократия состояла из двух групп: богатых торговцев и ремесленников, игравших ведущую роль в демократической партии, и городской бедноты. Аристократическо-олигархическая партия в основном состояла из землевладельцев и ростовщиков — занятие торговлей и ремеслом считалось в этих кругах позорным.

<sup>2</sup> См. H. R o h d e, *De Athenensium imperio quid quinto quartoque saeculo sit iudicatum*, Diss., Götting., 1913.

Архидамовой войны. Учтем, что Еврипид радикальным демократом никогда не был и крайней демократии никогда не сочувствовал.

Он протестует против обвинения Афин в военной политике («Молящие», ст. 321 сл.)<sup>1</sup>:

*Не видишь ты? За безрассудство твой народ  
Враги его носят—будто жаждет он  
Войны кровавой. Ибо мощь его растет  
В трудах военных<sup>2</sup>.*

Очевидно, в это время в Элладе было в ходу обвинение Афин в стремлении разрешать все вопросы «Горгоной», т. е. войной, силой. Еврипид считает причиной этих обвинений зависть к афинскому могуществу (в этом смысле он и говорит: «Ибо мощь его растет»). Афины, гордо замечает он в «Гераклидах», смогут защищать свою честь и ответят ударом на удар (под «микенцами» ниже разумеются пелопоннесцы).

Ст. 755:

*Да! За отчую землю,  
За очажное пламя,  
Должен медью сверкать я,  
Потому что молящих  
Я взял под защиту.  
Хоть тяжело нам считать,  
Что золотые Микены,  
Осененные славой побед,  
К нам исполнены злобой,  
Но ужасно, о город, гостей выдавать,  
О защите молящих!*

Ст. 371.

*Мир мое сердце любит...  
Все же, злобный владыка,  
Слушай! В городе нашем  
Встретишь прием ты немилый!  
Иль у тебя лишь копьё?  
Войско в доспехах медных  
Есть и у нас! Хоть друг ты  
Шуму и сече бранной,  
Все же совет мой: смуту  
В город, Харитам милый,  
Лучше вводить побойся.*

Из -приведенных мест получается впечатление, что Афины стремились только к миру, а вступили в войну, обороняясь, когда враг напал на территорию Атики, на отчую землю (τᾶς πατριώτιδας γᾶς), на дома (περὶ καὶ δόμων), на город (εἰ πέλιον ἤξεις). В действительности, в переговорах перед началом Архидамовой войны и речи не было о претензиях

<sup>1</sup> См. уже M a r k l a n d, Eur. Supplices, Lond., 1763 (ad loc.: «Videtur politicum aliquid huic sententiae subesse...»)

<sup>2</sup> Принимаю пунктуацию и перевод G. H e r m a n n, Euripidis Supplices, 1844, стр. 333: ὄρας; ἄβουλος ὡς κερκρομημένη τοῖς κερκρομοῖσι (dat. при perf. pass.), Γοργόν' ὡς ἀναβλέπει, ἡ πατρίς = ὡς ἄβουλος (ὄρα) κερκρομημένη (ἔσται) ὑπὸ τῶν κερκρομούντων ἢ ἡ πατρίς (διὰ τοῦτο), ὡς ἀναβλέπει Γοργόνα. Ср. Aristoph., Acharn. 574: τίς Γοργόν' ἐξήγειρεν ἐκ τοῦ σάγκματος; Выражению ἀναβλέπει Γοργόν' во второй половине фразы симметрично противопоставлено: βλέποισι σκεστεινά — «выглядят тихими, незаметными» о миролюбивых государствах; следовательно, ἀναβλέπει Γοργόν' означает: «выглядит воинственно».

на Аттику: речь шла, как известно, сперва о Мегарах, Керкире, Потидее, затем о роспуске Афинского союза. И сам Еврипид не хочет сказать, что единственной причиной войны было «спасение чести Афин» и «самозащита». В цитированном месте из «Гераклидов» (ст. 755 сл.) особенно важны два выражения: «Потому, что молящих я взял под защиту» (*ιχτας υποδεχθεις*); «Но ужасно, о город, гостей выдавать, о защите молящих» (*καλον δ', ω πολις, ει ξενοος ιχτηρας παραδωσωμεν*). Подобных мест можно привести десятками и из «Гераклидов» и из «Молящих»: эта война—долг совести и гуманности; филантропические Афины морально обязаны вести ее для защиты ксенов (*ξενοος*), молящих о помощи.

Кто же эти *ξενοι* в политическом плане? Ведь не может быть, чтобы этот все повторяющийся мотив был чисто мифологическим, религиозным, чтобы он не вызывал у афинского зрителя аналогий с современностью!

Обычно в соответствующих выражениях в трагедии «Молящие» видят, сообразно непосредственному содержанию пьесы, намек на трупы афинян, погибших у Делии в 424 г., которые беотийцы, вопреки международному праву того времени, отказывались выдать афинянам. Такой намек в «Молящих», несомненно, содержится, но этот изолированный эпизод не объясняет того ударения, которое на протяжении всей пьесы делается на «защите молящих». Для «Гераклидов» же это объяснение уже абсолютно не годится: здесь нет ни малейших намеков на битву при Делии, и эта трагедия была, скорее всего, поставлена за короткое время до этой битвы.

Всякий непредубежденный исследователь, желающий ответить на этот вопрос, не может не вспомнить, что *ξενοι*—это обычное в Афинах название членов Афинского морского союза<sup>1</sup> и что непосредственным поводом для Архидамовой войны было предъявленное афинянам пелопоннесцами требование распустить Афинский морской союз, т. е., говоря юридическим языком, отказать афинским *ξενοι* в постоянной и организованной военной защите. Если после Шмидта<sup>2</sup>, поскольку мне известно, никто не давал этого прямо напрашивающегося объяснения мотива «защиты молящих» в «Гераклидах», «Молящих» и позже в «Андромахе», то причина этого тот предвзятый, официально-спартанский взгляд на Афинский морской союз, которого придерживается наш основной осведомитель—Фукидид<sup>3</sup> (и якобы Аристофан, как его обычно толкуют): с этой точки зрения Афинский союз—это чистойшей воды деспотизм и тирания, аппарат для выжимания соков из союзников; союзники только о том и думают, как бы сбросить афинское иго; спартанцы—это великодушные спасители, стремящиеся освободить союзников от афинского «рабства», и требование спартанцев «распустить» (*αφεινα*) Афинский морской союз было продиктовано этими гуманными соображениями<sup>4</sup>. Но даже в том случае, если бы политика Афин по отношению к союзникам и была сплошной политикой

<sup>1</sup> См. например, „Ахаряне“, 503, 505, 635, 1197 и др.

<sup>2</sup> G. Schmidt, Qua ratione Euripides res sua aetate gestas adhibuerit in Heraculidis potissimum quaeritur, Diss., Halle, 1881.

<sup>3</sup> Впрочем Эд. Мейер («Forsch.», II, стр. 399 сл.) полагал, что даже Фукидид считал Афинский союз выгодным для союзников: «Der Überzeugung, dass die Herrschaft der Athener über die Bundesgenossen gerecht ausgeübt wurde und ihnen weit mehr Vorteil als Nachteil brachte, die Athen deshalb gemachten Vorwürfe also unbegründet seien, gibt Thukydides Ausdruck». Это несомненно преувеличено, см. Н. Ронде, ук. соч., стр. 28.

<sup>4</sup> Однако см. прекрасную работу Ф. М. Корнорд «Thucydides Mythistoricus» (Lond., 1903, стр. 6—7): «Для малых государств «свобода», в сущности, сводится к автономии. Афинские союзники, до того как они восставали, пользовались весьма широким самоуправлением. Афиняне мирились с господством землевладельческой олигархии на Самосе до восстания 440 г.; в Митилене до восстания 428 г. была у власти умеренная олигархия... Спартанская олигархия удерживала у власти олигархию, но только в Пелопоннесе; что касается остальной Эллады, то спартанцев никак нельзя обвинять в том, чтобы они были бескорыстными миссионерами аристократических идеалов».

эксплуатации и угнетения, было бы естественно, чтобы сами афиняне (и выражающий их взгляды Еврипид) стремились изобразить ее в выгодном для них свете. Поэтому уже Шмидт правильно истолковал эти места как ответ Еврипида на обвинение Афин в эксплуатации союзников (стр. 14 сл): «Adversus eos igitur, qui Atheniensibus obiciebant, quod libertatem Graecorum opprimerent, Euripides illud praedicandum esse putavit, ipsos Athenenses minores civitates contra maiores defendere solitos esse». И на стр. 57: «Quae sententiae omnes eo redeunt, ut libera Atheniensium civitas, quae benigne peregrinos ac socios tueatur, praedicetur».

Но так ли уж справедливо это обвинение? Действительно ли афинские демократы были в этом отношении хуже своих противников? Фукидид, действительно, выдвигает такое обвинение (II, 8): «Симпатии людей были в гораздо большей мере на стороне лакедемонян,—прежде всего потому, что они обещали освободить Элладу... Большая часть греков крайне ненавидела афинян: одни хотели освободиться от их господства, другие боялись, как бы афиняне не подчинили их себе». Ниже (стр. 18 и сл.) мы увидим, однако, что Фукидид (устами олигарха Фриниха) обвиняет в этой эксплуатации не правящую в Афинах демократию, а афинян вообще, и даже афинских олигархов прежде всего. Отметим также, что при всем своем беспристрастии, Фукидид не мог не быть инстинктивно настроен против Афин, изгнавших его; под «людьми» (οἱ ἄνθρωποι) и большинством (οἱ πλείους) он подразумевает, несомненно, не широкие народные массы, а тех καλοὶ κἀγαθοί, «богатых джентльменов», в кругу которых он вращался во время изгнания. Что же касается Аристофана, то он сочувствует союзникам только как одной из групп, эксплуатируемых афинскими демагогами (а не Афинами в целом!). Ни в одной из дошедших до нас комедий, поставленных ранее 411 г., не осуждается самая система управления союзниками; говорится только о злоупотреблениях и взятках афинских демагогов, сикофантов и чиновников, от которых в равной мере страдают и афинские граждане<sup>1</sup>. Наиболее известно замечание в «Осах» (ст. 656 сл.), но и здесь речь идет не о том, что взимание форося несправедливо, а лишь о том, что этот форося вместо того, чтобы быть распределенным между афинскими гражданами, попадает в карманы демагогов<sup>2</sup>; взамен существующей системы он вносит «демократический» проект, чтобы каждый из 1000 союзных городов взял на прокормление 20 афинских граждан,—тогда все неимущие афиняне будут жить в роскоши («Vesp.», 688). Разумеется, этот план—шуточный, но он показывает, что существование и в будущем Афинского морского союза, основанного на эксплуатации союзников, казалось Аристофану чем-то самим собою подразумевающимся<sup>3</sup>; мечтая о сказочном будущем, Аристофан хочет видеть Афины «владыкой Эллады», «царем эллинов». Своей заслугой по отношению к союзникам он считает, кроме борьбы с злоупотреблениями должностных лиц и демагогов, лишь некоторое смягчение приемов управления союзниками<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> В «Лисистрате» (411 г.) Аристофан выступает с предложением уравнивать союзников и метэков в правах с афинскими гражданами (ст. 586 сл.), а никак не распустить Афинский союз. См. Н. Rohde, ук. соч., стр. 25.

<sup>2</sup> «Eq.», 801, 834, 838, 932, 946, 1030, 1408; «Vesp.», 665, 669, 924; «Nub.», 211; «Av.», 1025, 1422 сл.; 1954 сл.

<sup>3</sup> Н. Rohde, ук. соч., стр. 24.

<sup>4</sup> «Рах», 9: 5 сл: ὅσ' ἐσόμεθ'... τοῖσι συμμάχοισι πράβτεροι πόλι. Ср. Рах, 759: ὅπερ ὄμων κλεμίσων | ἀντιῶν ἀσι καὶ τῶν ἄλλων νήσων. Поскольку речь здесь идет сразу и об афинянах и об островитянах, автор, очевидно, имеет здесь в виду борьбу с злоупотреблениями демагогов. В этом же, очевидно, состоит и смелая помощь союзникам, о которой Аристофан говорит («Ach.», 643): ὅστις παρεκινδύνευε' εἰπεῖν ἐν Ἀθηναίοις τὰ δίκαζα. Ср. «Eq.», 1349: ὃ ταῖς ἱεραῖς φέγγας Ἀθηναίσι καὶ ταῖς νήσοις ἐπίκουρε.

Обычно Аристофан изображается адвокатом угнетенных союзников на основании недошедшей до нас комедии «Вавилоняне», поставленной на сцену в 426 г. Аристофан якобы изобразил здесь афинских союзников в виде клейменных рабов, работающих на мельнице афинского Демоса. Г. Норвуд<sup>1</sup> показал, что эта реконструкция произвольна и неправильна. Как можно видеть из «Ахарниан» (ст. 377 сл.), Клеон обвинял Аристофана в том, что он в «Вавилонянах» поносил афинские власти в присутствии союзников и тем подрывал их авторитет, а не в том, что он говорил об эксплуатации союзников. Это подтверждается и схолией<sup>2</sup>. В парабазе, перечисляя свои заслуги перед афинским народом и требуя присуждения себе победы на состязании, Аристофан говорит, что заслужил ее, τοῦς δῆμονας ἐν ταῖς πόλεσιν δείξας ὡς ἐνηκουχῆταῦνται («показав, каков демократический режим в союзных городах») (ст. 642)<sup>3</sup>.

Если бы речь здесь шла о борьбе с эксплуатацией союзников афинским народом, то Аристофан не мог бы говорить об этом, как о выдающейся заслуге перед афинским народом; поэтому схолиаст, очевидно, правильно интерпретирует это место так: «Показав наш государственный строй союзным городам, т. е., научив союзников, как надо организовать демократическое управление, он сделал их расположенными к вам». Более того, Аристофан не только не выступает здесь адвокатом союзников, но выставляет своей особенной заслугой, что он научал афинян не поддаваться лживым словам этих же союзников и не позволять им себя обманывать (стр. 635: πύσας ἡμᾶς ἐνηκουῖσι λόγοις μὴ λίαν ἐξαπατᾶσθαι, μηδ' ἡδέσθαι θωπευομένουσ) и не идти на уступки им (ст. 671) в благодарность за дешевые комплименты.

В тех же «Осах» Аристофан подчеркивает, что взыскание форо́са с союзников вполне правомерно. Уже Геродот (VI, 42) замечал, что форо́с, взимаемый афинянами с союзников, есть та же дань (и притом в том же размере), которую они прежде платили персам; совершенно в том же духе Аристофан в «Осах» гордо заявляет от имени «марафонских бойцов»:

Ст. 1098:

*Так отняли мы у мидян  
Много городов богатых,  
В нас причила, что в Афины  
Поступает форо́с, — тот, что  
Эти молодцы крадут...*

К этому схолиаст делает правильное замечание: «Повидимому, те города афинян, которые (прежде) были под властью персов».

Точно так же и в ст. 711 той же комедии Аристофан заявляет, что от союзников афиняне «получают выгоды, достойные их земли и марафонского трофея». Роде (ук. соч., стр. 24) справедливо замечает по этому поводу: «(Aristophanem) putasse (Athenienses) et ius habere civitatibus imperandi et, cum Persas vicissent, iure a sociis munera expetere posse».

<sup>1</sup> G. Norwood, The «Babylonians» of Aristophanes, «Classical Philology», 25, (1930), стр. 1 сл.

<sup>2</sup> ἐκωμώδησεν γὰρ τὰς τὰ κληρωτάς καὶ χειροτονητάς ἀρχάς καὶ Κλέωνα παρόντων τῶν ξένων... εἰς ὕβριν τοῦ δήμου καὶ τῆς βουλῆς τὰυτὰ πεπενηκόσται...

<sup>3</sup> Правда, при появлении на сцене клейменных вавилонских рабов кто-то из действующих лиц замечал: Σχίῳν ὁ δῆμός ἐστιν ὡς πολυκλήματος, что, повидимому, означает: «Да это же самосский парод—на нем так много клейм!» Возможно, что здесь имеется в виду заклеивание самосцев, произведенное афинянами в 440 г. (Plut., Pericl., 26; Phot., p. 498, 15; Suid., s. v. Σχίῳν: Aelian, V. N., II, 9). Если это даже так, то здесь Аристофан осуждал случаи бесчеловечного обращения с восставшими союзниками, а не легальную эксплуатацию союзников в силу устава союза.

Если принять во внимание эти места, то нельзя не признать остроумной догадку Норвуда, по которой содержание «Вавилонян» имело сходство с сюжетом эврипидовых «Вакханок»: Дионис прибывал в Афины со свитой варваров-вавилонян; афинские демагоги и сикофанты тащили Диониса в суд и требовали с него взятку (Athen., XI, p. 494), а его свиту отправляли клейменными рабами на мельницу, но Дионису удавалось одержать верх. Эти вавилоняне ничего общего с афинскими союзниками не имели. Норвуд приходит даже к выводу: «Мы не имеем решительно никаких свидетельств, чтобы Аристофан выступал когда-либо в роли адвоката союзников» (стр. 10).

Целью Афинского морского союза была первоначально совместная защита от персов. По Каллиеву миру 448 г., афиняне признали персидский суверенитет над малоазиатскими греками при условии их автономии и пребывания в Афинском союзе<sup>1</sup>. Теперь тем общим врагом, с которым должны были бороться военные силы союза, стал Пелопоннесский союз, возглавляемый Спартой, и примыкающие к нему реакционные элементы в других эллинских городах. В союзных с Афинами городах, особенно в наиболее крупных, действительно существовала сильная партия, стремившаяся к полной независимости, т. е. фактически к вхождению полностью в сферу персидского экономического влияния, но о сближении с Пелопоннесским союзом и примыкавшими к нему реакционными группами могли мечтать только небольшие группы богачей и аристократов.

Автор псевдоксенофоновой «Афинской политики» (I, 14; III, 10) справедливо замечает, что беднота в союзных городах всецело сочувствует афинской демократии: «Что касается союзников..., то афиняне... простых людей здесь поддерживают... Простые люди в каждом государстве сочувствуют демократии,—и понятно: подобный подобному всегда друг». О том же свидетельствует у Фукидида противник Клеона Диодот (III, 47, I), которого никак нельзя обвинить в пристрастии к радикальным демократам: «Теперь народ (*ὁ ἄπλος*) во всех (союзных) городах сочувствует вам (афинскому народу): либо он отказывается восставать вместе с олигархами (*τοῖς ἀλιγοῦσι*), либо, если его заставят сделать это, уже через короткое время становится врагом тех, которые принудили его принять участие в восстании. Начиная военные действия, вы имеете союзником народные массы во враждебных вам городах». Даже реакционный афинский оратор Антифонт считает необходимым заявить, что восстание митиленян против афинян было величайшим несчастьем для всего митиленского народа, что митиленский народ ненавидит не афинян, а афинских сикофантов (Antiph., De caede Herod., 79).

Спартанское требование «освободить союзников из союза и сделать их автономными» (*ἀφεῖναι αὐτονόμους*) было чистейшим ханжеством: фактически имелось в виду подчинить эти города и безжалостно эксплуатировать здесь народные массы. Это обнаружилось наглядно после 404 г., но уже и ранее это было понятно всякому искушенному в политике человеку, как мы видим из речи олигарха Фриниха у Фукидида (VIII, 48, 6): «Союзники уверены, что так называемые *καλοὶ κἀγαθοὶ* (аристократические элементы) доставят им не меньше неприятностей, чем демократы, так как именно они советуют народу и приводят в исполнение те крутые меры, из которых пользу извлекают главным образом они для себя. Быть под властью таких людей означало бы для союзников подвергаться без суда насилиям и казням, тогда как демократия служит убежи-

<sup>1</sup> См. Н. Т. W a d e - G e r y, The Peace of Kallias, «Athenian Studies presented to W. S. Ferguson», в «Harvard Studies in Classical Philology», Suppl.-Vol. I, Cambr., 1940, стр. 121.

щем для них и уздой для олигархов. Он, Фриних, наверное знает, что αἱ πόλεις (союзные государства), умудренные самими опытом, думают именно таким образом».

Эти слова главного вождя лаконофильской группировки олигархов чрезвычайно показательны<sup>1</sup>. Олигархи, т. е. землевладельческие и ростовщические круги (как и их покровители спартанцы), из демагогических соображений без устали кричавшие о жестокой эксплуатации союзников афинской демократией, о необходимости распустить союз и вернуть союзникам независимость, фактически, как ростовщики и откупщики, были больше других заинтересованы в этой эксплуатации, вдохновляли и организовывали ее. Они кричали о казнях и насилиях, но за кулисами сами толкали народ на эти меры.

Правда, в ряде вопросов они могли без ущерба для своего кошелька выступать против колонизационной политики афинского демоса. Запрещение вывоза хлеба и ряда других товаров куда бы то ни было, кроме Афин, торговые пошлины, обязанность союзников являться по ряду дел в Афины и т. д.—все это было, конечно, в высшей степени выгодно торговым конкурентам зажиточных горожан из числа союзников—афинским торговцам и ремесленникам. Форос был выгоден отчасти афинской бедноте, отчасти этим торговцам и ремесленникам,—не только потому, что он ослаблял их конкурентов, но и потому, что, как справедливо замечал Аристофан, только часть фороса шла на дивты; немалая его доля перепадала в карманы народных вождей, принадлежавших к торгово-ремесленным группам.

Землевладельческо-аристократическая олигархия не была заинтересована во всех этих мерах, даже наоборот: ввоз хлеба из-за границы обесценивал хлеб, родившийся на их полях; поэтому они могли без вреда для своего кармана в демагогических целях агитировать против этих мер.

Но это не означает, что они и вообще не были заинтересованы в беспощадной эксплуатации союзников, в эксплуатации другими путями. Каковы же эти пути? В этом отношении интересно следующее: в договоре Афин с Халкидой, заключенном в 446 г.<sup>2</sup>, мы читаем: «Иностранцы, поселившиеся в Халкиде, должны платить здесь подати наравне с халкидцами, за исключением тех, которые платят налоги в афинскую казну или освобождены от податей афинским народным собранием», т. е. за исключением афинских граждан и метэков.

Сопоставим с этим тот факт, что процессы между афинянами и жителями союзных городов, несомненно, разбирали афинские суды и афинские должностные лица, склонные более благоприятствовать афинянам, чем их союзникам. Этот факт устанавливается на основании ряда источников. У Фукидида (I, 77, 1) в месте, совершенно ясном и без всяких причин перетолковывавшемся вкривь и вкось, читаем: «Мы (афиняне), (постоянно) оказываясь в невыгодном положении в судах по контрактам с союзниками, организовали суды в нашем собственном городе на началах равенства сторон; за это мы получили репутацию кляузников. Но при этом никто из хулителей не обращает внимания на то, что другие, имеющие подвластные области в других местах, не проявили к подвластным городам такой уме-

<sup>1</sup> Они подтверждаются и свидетельством того же Фукидида (VIII, 64, 2): φασοσικεῖοι олигархи меньше всего желали подчиняться афинской аристократии.

<sup>2</sup> SIG<sup>3</sup>, 64: τὸς δὲ χρέονος τὸς ἐν Χαλκίδι, ἠόσοι οἰκόντες μὲ τελέουσι Ἀθένων, καὶ εἰ τοι δέδοται ἡμῶ τὸ δέμο τὸ Ἀθενίων ἀτέλει, τὸς δὲ ἄλλος τελέν ἐς Χαλκίδα, καθάπερ οἱ ἄλλοι Χαλκιδέες... В своей (ненапечатанной еще) работе «Писистрат и его эпоха» я, на основании ряда параллельных примеров, показал, что ὅσοι μὴ... τοὺς δὲ ἄλλους...—то же, что πάντας, πλὴν τούτων, ὅσοι... Ср. Hiller von Gaertringen, ad loc.: «praeter eos, qui Atheniensium civitati vectigales sint et eos, quibus a populo Atheniensium immunitas decreta sit»; Ed. Meyer, Forschungen zur alten Geschichte, II, 141.

ренности, как мы, и тем не менее не подвергаются поношению за это»<sup>1</sup>.

Это равенство сторон перед законом в Афинах (ἐν ταῖς ὁμοίαις νόμοις) состояло в том, что судящиеся иностранцы не должны были платить особых пошлин и иметь поручителя из афинян<sup>2</sup> и что они судились на основании одних и тех же афинских законов; однако мы вправе предполагать, что в смысле тяжести наказания между афинянами и их союзниками тем не менее проводилась дискриминация. Это видно из того, что лица, нарушающие права «проксонов и эвергетов», получавших в виде особой привилегии уравнивание в правах с афинянами, подвергались такому же наказанию, как если бы они нарушили права афинян: «Если кто-либо у[бьет либо такого-то проксена, либо кого-либо из] его детей [в одном из (союзнических) городов или на территории], которой владеют афиняне, [то виновного надо наказать, взыскав по] пять талантов [за каждого, как если бы был убит] кто-либо из афинян» (IG I<sup>2</sup>, 28; раньше 446 г.); «Если кто-нибудь убьет Леонида (из Галикарнасса) в одном из городов, которыми владеют афиняне, то виновного надо наказать, как за убийство кого-либо из афинян» (IG I<sup>2</sup>, 56; около 430 г.); «Если кто-нибудь кого-нибудь из них разбойно убьет или лишит свободы или [уведет в рабство, то виновного надо] наказать так, как это установлено [за преступление против афинян] и [если они потерпят какой-либо ущерб, то виновный] должен уплатить штраф в размере двойного убытка» (IG I<sup>2</sup>, 154).

Этот колоссальный и разорительный штраф в пять талантов, быть может, имевший прежде всего в виду террористические акты против афинских переселенцев, взманился с чрезвычайной ригоричностью и жестокостью. Интересную сатиру на это установление представляет ст. 169 сл. «Мира» Аристофана. Летя верхом на навозном жуке, Тригей замечает какого-то человека, отправляющего естественную потребность в Пирее, и боится, как бы жук, привлеченный запахом, не устремился вниз, — тогда при падении Тригей разобьется вдребезги. «Если я погибну упав, — говорит Тригей этому человеку, — то за мою смерть Хиосское государство заплатит из-за тебя пять талантов». В Афинах существовала поговорка: Χῖος ἦν ὁ ἀποκτῶν («Chios erat qui casabat»); итак, Тригей окажется разбившимся по вине неизвестного хиосца, и, следовательно, все Хиосское государство должно будет заплатить штраф в пять талантов! Как поясняет схолиаст, «Афиняне занимались сикофанством и накладывали штрафы, ссылаясь на то, что, мол, «Χῖος ἦν ὁ ἀποκτῶν»... или, вернее, из подозрения, что они хотят отложиться от афинян».

Так как это право «получать с правонарушителя возмездие, как афиняне», для не-афинян являлось особой п р и в и л е г и е й, то, очевидно, наказание за преступления против жителей союзных городов были в принципе меньше, чем за преступления против афинян. Но если даже допустить, что по гражданским искам жители союзных городов судились с афинянами на основании одних и тех же законов, то это не предохраняло союзников от пристрастных решений афинских судей в пользу своих сограждан.

Итак, до некоторого не известного нам времени, в ту эпоху, когда Делосский союз приближался еще к типу союза равноправных государств, для тяжб между афинянами и их союзниками был также в силе общий прин-

<sup>1</sup> См. Busolt-Swoboda, Griechische Staatskunde, II, 1926, стр. 1244: «Афиняне... принуждены были (на первых порах) обращаться к суду государств, членом союза... Но так как они при этом часто оказывались в невыгодном положении, то они допустили исключение из этого правила для тех случаев, когда одной из тяжущихся сторон были афиняне...» Литерат. ра по вопросу о толковании этого места Фукидида там же, стр. 1244, прим. 3.

<sup>2</sup> Ср. Arist., Polit., I, 3, p. 1275 a.



цип, по которому местом судопроизводства по искам является место жительства ответчика<sup>1</sup>. Но, так как приговоры оказывались убыточными для афинян, за местными судами было оставлено судопроизводство только по делам, в которых тяжущимися не были афиняне, а все процессы, в которых одной из сторон были афиняне, должны были разбираться (на основании норм, содержащихся в договорах с этими городами) в афинских судах. Такое положение вещей имело место уже в 465—450 гг., как можно заключить из афинского постановления о Фаселисе<sup>2</sup>, при правильном восстановлении его текста<sup>3</sup>: «Леонт сказал: пусть будет принято постановление относительно фаселитов, что, если контракт заключен между афинянином и кем-либо из фаселитов, то процесс должен иметь место в Афинах под председательством полемарха, как (в процессах) с хиосцами (см. выше) и больше нигде, а для прочих (контрагентов) суд должен происходить согласно существующим конвенциям с фаселитами».

Действительно, из свидетельства Псевдоксенофонта в «Афинской политике» I, 16 также ясно, что союзники должны были являться на суд в Афины не только по политическим делам, но и по частноправным искам. Здесь сказано: «Афиняне заставляют союзников плыть на суд в Афины... прежде всего потому, что из судебных пошлин (πρῶταυεῖξ) они получают плату в течение целого года». Так как πρῶταυεῖξ вносились только по частноправным искам<sup>4</sup>, то здесь, несомненно, имеются в виду гражданские дела. С этим можно сопоставить фрагментарную милетскую надпись IG I<sup>2</sup> 22, из которой, повидимому, можно заключить, что разбору в Афинах подлежали иски на сумму выше 100 драхм, т. е. как раз иски, по которым было установлено взыскание πρῶταυεῖξ<sup>5</sup>.

В этой надписи устанавливались правила для процессов между афинянами и милетцами; эти процессы должны были разбираться в Афинах под председательством полемарха (см. предыдущее примечание).

Другая надпись, середины V в. из Эрифр (IG I<sup>2</sup>, 11), также специально посвящена вопросу о процессах между эрифрейцами и афинянами. В стр. 10 говорилось об «[афинянах и эрифрейцах]»; в стр. 11/12: «Если афинянин судится с эрифрейцем»; в стр. 13 «эрифреец с [афинянином]»; стр. 14: «судить, пусть внесет»; стр. 15: πρῶταυεῖξ и т. д.

И в других надписях начиная с 460—450 гг. проводится резкая граница между процессами, в которых обе тяжущиеся стороны—жители одного

<sup>1</sup> См. Busolt-Swoboda, Griechische Staatskunde, с ссылкой на договор между Эфесом и Сардами (OGIS, 437, строка 58), согласно которому истец должен δικάζεσθαι ἐν τῇ τοῦ ἀδικούντος πόλει.

<sup>2</sup> IG I, 16, Tod, № 32; относительно датировки см. А. Wilhelm, у Busolt-Swoboda, ук. соч., II, стр. 1338; прим. 4 на стр. 1339.

<sup>3</sup> Стр. 5 сл. я читаю: ὅτι, ἂν μὲ[ν] Ἀθηναῖοι εἰς[μυ]λλιον γένηται [πρὸς Φασηλίαι] τινε, Ἀθηναῖοι τὰς δίκας γίνεσθαι παρ[ὰ] τῷ πελάσει ἔργῳ, καθὼς ἕως, καὶ ἄλλοι μὴδ' ἂν τῷ δέ ἄλλοι ἀπὸ ξυμβλήν κατ[ὰ] τὰς δίκας ἐπιβέβηται πρὸς Φασηλίαις (τὰς) δίκας ἐν(α) Допустимость родит. падежа Ἀθηναῖοι (= Ἀθηναίῳ), т. е. конструкция: συμβλήν (resp. δίκην) γίνεσθαι τινος πρὸς τινε обеспечена соотв. род. падежом τῷ[ν] во второй части. До сих пор все издатели дополняли: ἂν μὲ[ν] Ἀθηναῖοι, в результате чего получалась нелепая и беспрецедентная дискриминация: кто бы ни были тяжущиеся, если договор заключен в Афинах, его судят афинские суды (а если не в Афинах, очевидно, не афинские!)—правило крайне невыгодное для афинян, живущих в Фаселисе, и к тому же противоречащее и общему принципу античного права, по которому, как мы видели, δεῖ τὸν ἀδικούντων δικάζεσθαι ἐν τῇ τοῦ ἀδικούντος πόλει. При моем дополнении эта нелепость устраняется.

<sup>4</sup> Стр. 31: τὰ[ς] δὲ δίκας ἐν(α) Μιλήσιαις κα[τὰ] Ἀθηναίων... δραχμὰς... τὰ [δ]ὲ πρῶταυεῖξ τιθέντων πρὸς [τὸν] πολέμαρχον... ἡμί] δὲ δίκαι Ἀθηναῖοι ὄντων... стр. 48: τὰς δὲ ἡμῶν ἕκαστῳ[ν] δραχμὰς. Ср. Pollux, VIII, 38: καὶ οἱ μὲν ἀπὸ ἐκαστῶν δραχμῶν ἄχρι γυλίων δικάζονται πρὸς δραχμὰς κακισθῆναι, οἱ δὲ ἀπὸ γυλίων τριάκοντα. Очевидно, по искам на сумму менее 100 драхм πρῶταυεῖξ совсем не взыскивались.

<sup>5</sup> Pollux, VIII, 38; Meier-Schömann-Lipsius, Der Attische Prozess, 809.

города, и такими, в которых одна из тяжущихся сторон—афинянин. Здесь, правда, речь идет по общей связи о политических и уголовных процессах, но нет никакого основания думать, чтобы в гражданских процессах дело обстояло иначе.

Так, в утраченном, известном нам только в очень плохой копии Фовеля, афинском постановлении об Эрифрах 465—455 гг. (IG I<sup>2</sup>, 10), если отвлечься от безнадежно искаженных Фовелем мест и произвольных и субъективных конъектур нынешних ученых, резко противопоставляются обе группы процессов: «Если какой-либо эрифреец убьет другого эрифрейца, его судит местный суд...» Ниже: «И если ... из находящихся в городе афинян...», «Находящегося в Эрифрах ...», «Против афинянина ...»<sup>1</sup>.

Такое же противопоставление двух указанных категорий налицо и в халкидской надписи, о которой мы говорили уже выше.

В этом договоре с Халкидой предусматривается, что афинские должностные лица не могут без судебной процедуры или особого постановления афинского народного собрания приговаривать халкидцев к изгнанию, заключению, лишению гражданских прав, смертной казни и конфискации всего имущества<sup>2</sup> и что процессы халкидцев против халкидцев же должны разбираться халкидскими судами<sup>3</sup>; отсюда ясно, что по искам афинян к халкидцам, по которым было установлено наказание меньшее, чем изгнание, конфискация имущества и т. д., приговоры выносили афинские суды или должностные лица<sup>4</sup>.

Не менее поучительны в этом отношении и формулы афинских декретов о проксении V в. «Проксены и эвергеты» обычно получают все права афинских граждан, исключая политические (т. е. кроме права быть членом совета, народного собрания или суда и занимать государственные должности). В числе этих прав упоминается и право судиться в Афинах (у полемарха), причем никакие другие суды, кроме афинских, не могут наказывать этих людей. Эти права являются особой привилегией «проксенов и эвергетов», получивших не полные гражданские права; следовательно, полноправные афинские граждане во всяком случае подлежали юрисдикции только афинских судов<sup>5</sup>.

Итак, вряд ли может быть сомнение в том, что афинянам при всякого рода тяжбах с союзниками представлялось право и привилегия судиться в Афинах, тогда как союзники этого права, за отдельными исключениями, не имели.

<sup>1</sup> Стр. 28: ἐάν δέ τις ἀποκτείνεν [Ἐριφρ] εἰς ἕτερον Ἐριφρ[αίων]... Стр. 37: καὶ [ἐάν... τῶν] ἐνότων Ἀθηναίων... Стр. 38: τῷ Ἐριφρασί... Стр. 39: πρὸς Ἀθηναίων. Так как Фовель постоянно смешивает Т с Υ, и О с Ω, то я в случае такого смешения довольствуюсь точкой под соответствующей восстановленной буквой. В других случаях я пишу снизу букву, данную в копии Фовеля, а над ней принимаемое исправление.

В стр. 37 обычно читают: καὶ [ἐάν τις χαλδί τὸν δ]ἔνον τὸν Ἀθηναίων [ἔ τὸν φρ]οκίας σεν [σεν] [[.ω]] Ἐριφρασί, но полная произвольность такого дополнения очевидна. Τῶν ἐνότων Ἀθηναίων, читаемое у Фовеля, вполне правильное и уместное выражение, ср., например, Xen., «Hell.», III, 1, 15: См. Passow, Handwörterbuch s. v. *ci ἐνότας* «die in einem Orte (einer Stadt) sind, sich darin befinden».

<sup>2</sup> Там же, строка. 5: οὐκ ἐυσελὸς Χαλκιδέας ἐχ Χαλκίδος... οὐδὲ ἰδιόταν οὐδένα ἀτιμῶσ οὐδὲ φυγεῖ ζεμίωσ οὐδὲ ὑσιλέσσομαι οὐδὲ ἀποκτενῶ οὐδὲ ὑρέματτα ἀφισ ἐσομαι ἀκρίσο οὐδὲ νόσ ἀνευ τοῦ δέμο τῷ Ἀθηναίων. Χρέματτα ἀκρίσεισθαι может означать только «конфискация имущества», а никак не «вызыскание долга по обязательству» или «штраф».

<sup>3</sup> Там же, стр. 70: τὰς δὲ σὸθύνας Χαλκιδέων κατὰ σφῶν αὐτῶν ἐναὶ ἐχ Χαλκίδι καθάπερ Ἀθηνάσιον Ἀθηναίσις. Hiller von Gaertringen: «(εὐθύνας)... poenas... ut sōθύσιν, punire».

<sup>4</sup> Lipsius («Der attische Prozess», стр. 1004, прим. 663) напрасно возражает против этого правильного вывода Шталя (Stahl, De sociorum Atheniensium iudiciis, Münster, 1881).

<sup>5</sup> IG I<sup>2</sup>, 152, стр. 4—6; 453, стр. 5; IG, I<sup>2</sup>, 28 (ранее 446 г.), стр. 3; IG I<sup>2</sup> 59 (ок. 427/6 г.).

Разумеется, не во всех случаях жителям союзных городов, имевшим контракты с афинянами, приходилось ездить на суд в Афины. Можно думать, что процессы по искам на сумму ниже 100 драхм и процессы по *συγγραφαί*, т. е. по так называемым экзекутивным контрактам или бесспорным искам, имеющим силу исполнительного листа и подлежащим административному взысканию без суда<sup>1</sup>, разбирались на местах. Но кто разбирал эти процессы или руководил соответствующими судебными коллегиями? В «Птицах» Аристофана выведен афинский *ἐπίσκοπος*, выбранный по жребию (*τῷ κοῤῥῳ λυχῶν*) для надзора над союзным городом (ст. 1021 сл.). Он несет с собой два баллотировочных ящика (*τῶ κάδῳ*), откуда ясно, что его главная цель — руководство судебными процессами<sup>2</sup>. Эти «епископы» упомянуты в ряде надписей, причем обычно они называются просто «должностные лица» (*ἄρχοντες*)<sup>3</sup>. Эти должностные лица, как и афинские суды, должны были руководствоваться особыми «конвенциями» (*συμβολαί* или *σύμβολοι*). Так, в надписи из Митилены, вырезанной в 427 г., после усмирения восстания, читаем: «Они судятся в качестве истцов и ответчиков с афинянами, согласно конвенциям, заключенным с митиленцами»<sup>4</sup>.

Эти «конвенции» мы уже встретили выше, в договоре с фаселитами. Несомненно, при всей их сравнительной гуманности (они запрещали лишение свободы и заключение в тюрьму за долги<sup>5</sup> свободных граждан союзных городов) эти конвенции фактически оставляли судьям необходимые лазейки для того, чтобы выносить приговоры, выгодные для афинян, и потому были, как свидетельствовал Аристотель, очень тягостными для союзников<sup>6</sup>.

Если афинские «епископы» несли баллотировочные ящики (*τῶ κάδῳ*), то, очевидно, они председательствовали в каких-то голосующих коллегиях. Что же это за коллегии? Поскольку в них председательствовали афинские должностные лица, очевидно, здесь разбирались дела, в которых одной из сторон были афиняне; в этом случае эти коллегии могли состоять либо из местных жителей и афинян, либо только из афинян. Вероятнее мне кажется второе, — в этом случае такие коллегии состояли бы из афинских клеруков, поселенных на территории самого города. В пользу такого предположения говорят шуточные фантазии, содержащиеся в аристофановых «Всадниках» (798, 1089): афинскому народу обещают, что, когда к Афинскому союзу будут присоединены Аркадия и Экбатаны, он будет там заседать в качестве гелиаста, получая пять оболв платы в день и лакомясь пряниками.

Самое выявление процессов, подлежащих суду в Афинах, и установление юрисдикции, как можно судить по дошедшим до нас разрозненным свидетельствам, было делом деликатным и сложным, «кляузные» афиняне посылали для этой цели особых должностных лиц — «разъездных островных судебных приглашателей» (*κλητῆρας νησιωτικούς*, Aristoph., Av. 1422). Понятно, что на эту работу шли обычно профессиональные донос-

<sup>1</sup> См., например, Demosth., c. Lacritem, 12, § 4: ἐὰν δὲ μὴ ἀποδῶσιν... ἔστω ἡ προᾶξις τοῖς δικασταῖσι... καθάπερ δίκην ὀφληκότων καὶ ὑπερημέρων ὄντων; Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, стр. 404.

<sup>2</sup> Так правильно Busolt-Swoboda, ук. соч., стр. 1355, прим. 4, см. Schol., in Arist. Aves, 1049: τὸν... ἀρχοντα, δικαστήν.

<sup>3</sup> Примеры у Busolt-Swoboda, там же, стр. 1356, прим. 1, см. Aristoph., Av., 1049.

<sup>4</sup> Tod 63 = IG I<sup>2</sup>, 60 (это дополнение принято Диттенбергером и Кирхнером, SIG<sup>3</sup>, 76): δίκας δίδου[τας] πρὸς Ἄθεναιούς καὶ δεχομένους καὶ τὰς χυμβόλλας, αἱ ἔσαν [πρὸς Μυτιληναίους].

<sup>5</sup> Andoc., in Alcib., 18, p. 121.

<sup>6</sup> Lex. Seguer, 436, 1 = Hesych., s. v. ἀπὸ συμβόλων: ἐδίκασον Ἀθηναῖοι ἀπὸ συμβόλων τοῖς ὑπερημέροις καὶ τοῦτο ἦν χυμβόλον... οὕτως Ἀριστοτέλης. Ср. Pollux, VIII, 62: ἀπὸ συμβόλων δὲ... ὅτε οἱ σύμμαχοι ἐδικάζοντο.

чки, и сутяги, и взяточники (*σοκοφάνται*, «Av.», 1423; *πρῆγματοδίφης*, 1424, *σοκοφάνταις τοῦ ξένου*, «Av.», 1431); повидимому, они получали определенный процент с суммы иска (ср. «Av.», 1429: *καταπετωκῶς δίκας*). Эти же клетары исполняли обязанности судебных приставов, приводя в исполнение решения афинских судов. Это видно из того же места «Птица» («Av.», 1455 сл.): молодой сикофант просит, чтобы ему дали крылья: тогда он сможет вызвать союзников на суд в Афины, затем быстро полететь в Афины; прежде, чем вызванные союзники приплывут, он уже добьется нужного приговора в афинском суде и, быстро прилетев назад в союзный город, произведет взыскание с имущества проигравшего тяжбу в то время, как тот будет еще только плыть на суд в Афины («Av.», 1459: *ὁ μὲν πλεῖ δεῦρο, σὺ δ' ἐκεῖσ' αὖ πέται ἀρπάζωνος τὰ χυρῆματ' αὐτοῦ*).

Во всех этих местах употребляется термин *δίκη*, обозначающий обычно «гражданский судебный процесс» (в противоположность уголовному — *ῥαφή*); поэтому, скорее всего, речь идет здесь о гражданских делах. Эти клетары в течение лета объезжали подведомственный им район, неся всюду страх и угрозу разорения («Vesp.», 924: *ἕστις περιπλεύσας... ἐν κύκλῳ ἐκ τῶν πύλων τὸ σκῆρον ἐξεδόχευ*; «Av.», 1425: *κύκλῳ περισβεῖν τὰς πύλεις καλούμενος*).

Взыскание форося и других долгов афинскому государству афинские богачи и богачи союзных городов стремились, естественно, переложить на беднейших граждан, как наиболее беспомощных и безответственных. Этому содействовала сдача налогов на откуп. Из отрывков речи, произнесенной афинским оратором Антифонтом «О форося с самофракийцев» (*Antiph.», XV, fr. 49—54, Blass*), мы узнаем, что на Самофраке долги государству отдавались на откуп особым должным лицам — *ἐκλογαῖς*, которые выбирались из наиболее богатых местных граждан; однако из того факта, что дело разбиралось в афинском народном собрании, быть может, следует заключить, что во главе этих откушщиков стояли афиняне, делившиеся в данном случае доходами с наиболее богатыми из местных граждан<sup>1</sup>. Имущество несостоятельных должников продавалось<sup>2</sup>. Впрочем, общий ход мыслей в речи Антифонта нам не известен, и эти слова могли стоять в самом неожиданном контексте; дальше необоснованных предположений мы в этом случае, очевидно, идти не можем.

Итак, эти процессуальные формы давали афинским ростовщикам и откушщикам широкие возможности эксплуатации союзников — разумеется, им нетрудно было также подкупить «епископов» и других афинских чиновников, в руках которых находилось судопроизводство. Жадность, корыстолюбие и лихоимство этих чиновников, очевидно, были всем известны: когда в «Птицах» Аристофана (ст. 1021) афинский «епископ» появляется в Нефелоккигии, Писфетер встречает его словами: «Это что за Сарданапал? Как поясняет схолиаст, лозунгом Сарданапала было: «Ешь, пей, развратничай, все остальное ничего не стоит»; «епископ» выходил на сцену надутый и разодетый в пух и в прах. Писфетер предлагает ему взятку, и «епископ» охотно ее берет.

В свете этих фактов получает новый интерес следующее сообщение.

Из анонимной биографии Фукидида (*Vita Thuc.*, 7 = *Marcellin. vita*, 24) мы узнаем, что Фукидид из Алопеки, вождь олигархов, которые, как сообщает Плутарх, громче всех кричали об эксплуатации союзников афиня-

<sup>1</sup> Fr. 52: *ἐκλογαῖς οἱ ἐκλέγοντες καὶ εἰσπράττοντες τὰ ὀφειλόμενα τῷ δημοσίῳ. Ἄντιφῶν ἐν τῷ περὶ τοῦ Σαμοφράκων φύρου: «ἤρεθασαν γὰρ ἐκλογῆς παρ' ἡμῖν οἷς πλεῖστα ἔδοξα χυρῆματ' εἶναι».*

<sup>2</sup> Fr. 54: *ἀποδιδόμενοι... ἀποδιδόντες... ἀποδιδόμεθα... ἀντὶ τοῦ πιπράσκωμεν.*

нами, во время своего остракизма (т. е. с 443 г.) поселился на Эгине (изгнанные остракизмом, как известно, сохраняли все права и привилегии афинских граждан!) и занимался здесь ростовщичеством; «он выбросил за долги всех эгинян из их домов и участков»<sup>1</sup>.

Прибавим сюда еще интересное место из устава 2-го Афинского морского союза. Целью этого устава было, как известно, устранение несправедливостей по отношению к союзникам, имевших место в первом союзе. Содержащееся в этом уставе (стр. 15 и сл.) запрещение взимать форо́с, высылать клерухии и т. д. направлено против форм эксплуатации, выгодных для торгово-ремесленных групп и бедноты; но, кроме того, здесь содержится специальное запрещение: афиняне не могут давать жителям союзных городов деньги под залог имущества<sup>2</sup>.

Из всех этих свидетельств мы вправе сделать вывод, что афинские (как, в соответствующих случаях, и пелопонесские) богачи эксплуатировали союзников теми же способами, как впоследствии римские оптиматы провинциалов: они либо сами поселялись в союзных городах, либо поселяли в них доверенных лиц, часто метэков<sup>3</sup>, и, пользуясь защитой афинских законов и афинского судебного аппарата, которому они были исключительно подсудны, вели здесь ростовщические операции хищнического характера, отдавая деньги в рост под залог недвижимости; конкуренция с ними была для местных ростовщиков затруднительна, так как не только сами эти афиняне, но и приехавшие сюда из Афин метэки освобождались здесь от налогов и обложений, падавших на местных жителей.

Есть основания предположить, что афинская радикальная демократия, бывшая, как мы видели выше (стр. 18—19), по словам олигарха Фриниха, «прибежищем (κρητύρη) для союзных городов и уздой для олигархов», вела борьбу с этим видом эксплуатации союзников. При выводе в 428 г. клерухов в Митилену специально оговаривается, что в клерухии не могут принимать участия пентаксиомедимны и всадники, но участвуют метэки<sup>4</sup>. Если бы эта мера объяснялась просто стремлением уменьшить конкуренцию для бедных граждан, то непонятно было бы, почему в клерухии могли принимать участие метэки, а не могли пентаксиомедимны и всадники. Можно думать, что афинские богачи, если бы их не сдерживал публичный демократический аппарат, применяли бы эти насилия еще с большей жестокостью; еще большей эксплуатации подверглись бы жители этих городов, если бы они попали под власть наиболее циничных—спартанских—аристократов. Поэтому Фриних, как мы видели, и заявлял справедливо, что союзные города в целом (κί πόλεις—значит не только демократия в этих городах, но и зажиточные круги!) видели свое убежище и спасение в афинской демократии; этому научил их горький опыт.

Характерно, что и в «Гераклидах» хор афинских граждан сначала принимает аргосцев, прибывших с мольбой о помощи, за делегатов от союзников-островитян (ср. ст. 84: *ὁ νηλώτην, ὃ ξένοι, τρίβω βίον*), пришедших с просьбой вынести справедливое решение по их внут-

<sup>1</sup> Κατατοκίζων ἀναστάτους ἐποίησεν. Разумеется, источник этого сообщения имел в виду Фукидида из Алопекы, а не историка Фукидида; см. напр. Н. Т. Wade-Gery. JHS I II, 1932, 214, прим. 39.

<sup>2</sup> SIG<sup>3</sup>, 147, 36: μή ἐξείναι... Ἀθηναίων μηδὲν ἐγκτήσασθαι ἐν ταῖς τῶν συμμάχων χώραις μήτε σικίην μήτε γωρίων... ὅ πο θ β μ ε ν ω.

<sup>3</sup> См. выше, стр. 19, а также Thuc. VII, 63, 3 (обращение Никия к афинским метэкам-морьякам): τῆς ἀρχῆς τῆς ἡμετέρας ἐς... τὸ φοβερὸν τοῖς ὑπηκόοις... μεταίχυστα. Ср. schol. ad loc.: τοὺς μεταίχους λέγει. Ср. Н. Kohde, ук. соч., стр. 19, прим. 1.

<sup>4</sup> Thuc. III, 16, 1. Вспомним, что и в числе поселенцев в покоренной Халкиде, кроме афинян, упоминались и афинские метэки.

ренним делам (ст. 95: *τί χρέος; ἢ λόγων πόλεως... μελέμενοι τυχεῖν*)<sup>1</sup>. Очевидно, такие делегации были обычным явлением в Афинах<sup>2</sup>. В свете этих замечательных свидетельств, до сих пор вовсе не привлекавшихся историками, получают совершенно новый смысл приведенные места из разбираемых нами трагедий. Если даже олигарх Фриних принужден признать, что союзные города (*αἱ πόλεις*) видят в афинской демократии прибрежище (*καταφυγή*) для себя, то, очевидно, было не мало реальных случаев в течение Архидамовой войны, когда эти города прибежали (*κατέφυγον*) к афинянам с мольбой о помощи. Характерно, что у Эврипида мы находим тот же термин, что и у Фукидида: *καταφυγή* — «прибежище». См. «Молящие»:

Ст. 269:

*Прибежищем имеет зверь—скалу,  
Раб—алтари богов, а город к городу  
Припал, прося защиты в буре...*

Очевидно, с такими *ξένοι ἰκτῆρες*, о которых говорил Эврипид в «Гераклидах» и «Молящих», афинянам приходилось иметь дело в живой действительности. А если так, то становится понятным, какой отзвук должны были найти в сердцах зрителей следующие слова из «Гераклидов» Эврипида:

Ст. 329:

*Не в первый раз (ἀεὶ!) стоять земле афинской  
За правду и несчастных; без числа  
Она подъяла бед в борьбе за близких—  
Такое ж сосязанье предстоит!*

или равнозначные им из «Молящих»:

Ст. 306:

*Когда б несчастных я  
Обязан не был от обиды защитити,  
Мир, как и прежде, я глубокий бы хранил (ср. ст. 329, 381).*

Стремление удержать *ξένοι* в афинском союзе даже ценой войны со Спартой Эврипид (ст. 176 сл.) объясняет постоянным обычаем афинян (*ὑπερ φιλεῖτε δῶν*) поддерживать слабых и обиженных против сильных угнетателей. Шмидт справедливо указывает, что здесь перед нами политический намек, выпадающий из контекста трагедии<sup>3</sup>.

Нам известно, что одним из требований спартанцев в начале Архидамовой войны было «отпустить на свободу» (*ἀφεῖναι ἐλευθέρους*) афинских союзников. Это требование, несомненно, поддерживалось определенными группами аристократов и богачей в союзных с Афинами городах—вероятно, они посылали уже теперь, как позже в 412 г., соответственные делегации в Спарту, разумеется, тайные, иначе бы им не поздоровилось. До нас дошла надпись (IG, V, 1,1 = Tod, № 62), содержащая список пожертвованных Спарте на ведение Пелопоннесской войны. Здесь имеется и ряд пожертвований от жителей городов, союзных с Афинами, но это все— «друзья», пожелавшие остаться неизвестными<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> F i r n h a b e r, Commentatio de tempore quo Heraclidae etc., Progr., Wiesbaden, 1846, прим. 37: «an iudiciales urbis sententias appetentes?».

<sup>2</sup> См. G. S c h m i d t, ук. соч., стр. 21—22.

<sup>3</sup> Ук. соч., стр. 11—12: Hic enim sententiam illam hac sola causa commotus poeta interposuit, ut se ipsum cives suos alloqui indicaret eorumque animos intenderet. Nam praeconem suas partes deponere, ut poetae consilium quoddam exprimat, nemo opinor non videbit... Nam primum Demophontis temporibus illud in universum dictum ὑπερ φιλεῖτε δῶν minime accomodatam est. Deinde ne praeconi quidem, qui regi persuadere vult, ut miseros Heraclidas deserat, convenit morem maiorum, qui contraria fecerunt, in memoriam revocare».

<sup>4</sup> Стр. 9: [ἔδον τοῖς Δα]κρημιονίοις... ποττὸν πόλεμον... [Δακρημιονίοις τῶν Χίων φίλοι ποττὸν [πόλεμον]... στατήρας Αἰγυγίως...

После сказанного выше мы можем быть уверенными, что гораздо более многочисленные группы в этих городах посылали делегации в Афины, прося защитить их от непрощенных защитников их свободы; в «освобождении» они видели в ы д а ч у и х политическим врагам внутри государства и спартамцам.

Вот откуда этот постоянный мотив трагедий—требование спартамцев и их союзников в ы д а т ь молящих, нашедших убежище в Афинах; гордый отказ афинян исполнить этот надменный приказ пелопоннесцев, несомненно, отображает требование, предъявленное спартамцами афинянам перед войной—распустить Афинский морской союз. См., например, «Гераклиды»:

Ст. 262:

Д е м о ф о н т.

*Но у себя дела решаю я!*

К о п р е й.

*Разумен будь! Микенцев не гневи!*

Д е м о ф о н т.

*Пусть лучше вас гневаю я, но не бога.*

К о п р е й.

*С Микенами войны вам не желаю!*

Д е м о ф о н т.

*Зачем война? Но не предам гостей!*

«Молящие», Ст. 519

*Не знаю, то Креонт владыкой стал  
Вдруг надо мной иль что настоль сильнее  
Креонт меня, что мог бы он Афины  
Принудить сделать это. Нет, скорее  
Вверх реки потекут, чем град Афины  
Других приказы станет исполнять.*

В свете этих фактов нам станет понятно, почему в течение 47 лет господства демократии в Афинах (460—413 гг.) было только два случая отделения от союза, и то только сильных аристократических государств: Самоса (440 г.) и Митилены (427 г.), тогда как за короткий промежуток аристократического правления Кимона (приблизительно 472—461 гг.) восстали Наксос (около 470 г.) и Фасос (465 г.). Неправильно было бы сказать, что демократические Афины не эксплуатировали союзников—как мы говорили уже, эта эксплуатация была довольно суровой. Но все же она обрушивалась главным образом на зажиточные круги союзных городов и была несравненно легче экономической эксплуатации аристократических ростовщиков и сборщиков налогов, своих и афинских. Едобавок она гарантировала союзникам регулярные торговые сношения по морю—в частности, снабжение хлебом—и предохраняла их и от экономической кабалы пелопоннеской аристократии и от пиратства.

Недаром, как сообщает Исократ (Paneg., 187), первым последствием распада Афинского союза было то, что Эгейское море оказалось во власти пиратов.

